

пернице, и делающие понятной самоотверженную гибель Эрифилы, — отсутствует у Д. Чолокашвили. У него Аро — эпизодическое лицо, и поэтому не совсем ясны мотивы ее мести Ифигении и причина, приведшая ее к гибели. И наоборот, у Чолокашвили вставлены новые сцены, например: все 4-е действие, в котором Агамемнон и Улисс договариваются об устройстве горжественного приема в честь Ахиллеса, и 4-е явление 5-го действия, где описывается торжественный прием, оказанный победителю Ахиллесу.

Все эти пропуски и вставки имеют, на наш взгляд, явно тенденциозный характер. Д. Чолокашвили опускает целый ряд сцен, в которых развиваются взаимоотношения Ифигении и Ахиллеса, Эрифила и Ахиллеса, Эрифила и Ифигении и т. д. Вместо этого он вводит сцены, придающие динамический характер всему драматическому произведению, исполненные гражданского пафоса и гневного обличения: Стоит только вспомнить монолог Агамемнона в 3-м действии (явл. 3) и монолог Клитемнестры в 7-м действии (явл. 6). Сокращено количество действующих лиц. Так, отсутствуют: Еврибат — слуга Агамемнона, Егина — служанка из свиты Клитемнестры, Дорида — наперстница Эрифила. Зато увеличено число второстепенных персонажей, составляющих неперменный атрибут придворного парадного спектакля: пажы, музыканты, певцы, придворные слуги.

Самым ранним из известных переводов «Ифигении в Авлиде» Расина на русский язык является анонимный перевод под следующим заглавием: «Расин. Ифигения, трагедия в 5 действиях, на Российские стихи свободно переложенная с господина Расина. Типография Решетникова, М., 1796». Переводчик значительно сократил текст (96 стр.), он опустил как отдельные реплики, так и группы реплик подряд, оставил без перевода целые сцены. В 3-м явлении из 2-го действия от диалога Эрифила и Ифигении в переводе остался только маленький монолог Ифигении. 4-е и 5-е явления того же действия превратились в переводе в одну небольшую сцену. 6-е и 7-е явления из 2-го действия и явление 3-е из 3-го действия целиком пропущены и т. д. Наряду с пространными купюрами, смещениями в переводе встречаются и сцены, переведенные почти буквально. В строгом смысле слова это произведение трудно назвать переводом; оно представляет собой довольно свободную переделку «Ифигении в Авлиде» Расина. Перевод этот приписывают Ф. Г. Карину.

Мы не имеем достаточных оснований утверждать, что Д. Чолокашвили воспользовался именно переводом Ф. Г. Ка-